

Н.В. Васильева

**ПРАГМАТИКА И ПОЭТИКА
АНТРОПОНИМИЧЕСКОГО ТЕКСТА¹**

Институт языкознания РАН

Москва, Россия, vasileva-natalia@yandex.ru

Аннотация. В статье обсуждаются прагматические и некоторые другие характеристики типа текста, который в 80-е годы XX в. в русской исторической ономастике получил название «антропонимический текст» (Л.М. Щетинин). Данный тип текста представлен однородными антропонимическими компонентами (списки имен). Кратко представлена история термина и типология антропонимических текстов по параметрам, включающим сферу функционирования (документальные vs литературные) и референциальный статус антропонима (воплощенные vs невоплощенные имена). Для литературных текстов вводится новое понятие *антропонимического микротекста*, который представляет собой перечисление имен в отдельном фрагменте целого текста и является тем самым пространством реализации риторического приема *enumeratio*. Рассматриваются поэтические функции и суггестивный механизм этого приема. Как ключ к индивидуальной поэтике (И. Бродский) и как особый антропонимический микротекст в заключительной части рассматривается неймдроппинг, с помощью которого автор формирует микро- и макропространство текста и усиливает его интертекстуальность.

Ключевые слова: антропонимический текст; антропонимический микротекст; антропоним; прагматический потенциал текста; риторическая фигура *enumeratio*; неймдроппинг.

Поступила: 06.02.2018

Принята к печати: 12.04.2018

---

¹ © Н.В. Васильева, 2018

N.V. Vasilyeva

Anthroponymic text: Pragmatics and poetics

Institute of linguistics of the Russian academy of sciences

Moscow, Russia, vasileva-natalia@yandex.ru

Abstract. The article deals with anthroponymic text as a special text type, its pragmatic and some other features. First, we briefly consider the history of the term and its interpretation by the Russian historical onomastician Leonid M. Ščetinin in the 1980 s (texts which are comprised of homogeneous anthroponymic components, i.e. various lists of personal names) and text typologization according to the ontological status (documentary vs fictional), as well as the referential status of anthroponyms mentioned in the text (embodied vs disembodied proper names). Second, we introduce the notion of *anthroponymic microtext* as a fictional text fragment, which contains the rhetorical device called *enumeratio* (lat.). By referring to examples of poetic texts, the suggestive mechanism of *enumeratio* is demonstrated. Third, we review name-dropping as a kind of anthroponymic microtext and the key to individual poetics (I. Brodsky). When forming the micro- and macroonomastic space of a text, this technique merges with intertextuality.

Keywords: anthroponymic text; anthroponymic microtext; anthroponym; pragmatic potential of the text; rhetorical device *enumeratio*; name-dropping.

Received: 06.02.2018

Accepted: 12.04.2018

Термин *антропонимический текст* появился в отечественной ономастике в 80-е годы прошлого века, и история его употребления тесно связана с этапами развития ономастической науки. Термин и его определение мы находим во втором издании «Словаря русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской: «Текст, в котором преобладают антропонимы, объединенные в речевые последовательности и сочетающиеся с обязательными или факультативными апеллятивными компонентами» [Подольская, 1988, с. 34]. В качестве примеров антропонимических текстов приводятся следующие: реестр войска, рекрутские списки, раздаточные ведомости, поминальные книги [там же]. Отметим, что в первом издании словаря (1978) этот термин отсутствует. Его появление во втором издании обусловлено вышедшими в данный промежуток времени трудами Леонида Михайловича Щетинина, который занимался донским ономастикомом и ввел в обиход исторической ономастики этот термин [Щетинин, 1980, с. 1986].

Термин *антропонимический текст* вполне отвечал духу времени: десятилетие между изданиями словаря Н.В. Подольской – это

как раз время расцвета лингвистики текста и становления антропоцентрического подхода в отечественной лингвистике. Е.Л. Березович, обсуждая тему топонимического пространства, писала: «“Штурм” проблемы текста, предпринятый лингвистической наукой в последние десятилетия, является отражением наметившейся тенденции к синтезу филологического – и шире – гуманитарного знания, а также к утверждению антропоцентрического подхода к исследованию языка (в тексте “растворен” его творец – человек с его пространственно-временными ориентирами, ценностными установками и т.п.)» [Березович, 1995, с. 86]. Однако в отличие от *топонимического текста*, сразу получившего семиотическое толкование как совокупности знаков, развертывающейся в пространстве, антропонимический текст в работах Л.М. Щетинина понимался вполне линейно, т.е. как тип текста, с присущими параметрами текстualityности, в том числе и связностью, но связностью специфической: «Связность антропонимического текста достигается единством коммуникативной задачи, референционной однородностью, синтаксическим согласованием антропонимических компонентов, стереотипной структурой предикативной аппеллятивной части списка, графическим униформизмом и, как правило, регулярностью антропонимической формулы» [Щетинин, 1980, с. 163–164]. Однако все же спецификация «текстовых» параметров применительно к подобным спискам не составляла главной цели исследователя, целью была «добыча» ценного материала для собственно ономастического анализа. Симптоматично поэтому, что статья Л.М. Щетинина, из которой приведена выше цитата про связность, носит название «Антропонимический текст как источник исторической информации»¹.

Если мы обратимся к авторитетному для ономастики того времени труду «Теория и методика ономастических исследований», то в нем понятие антропонимического текста рассматривается в разделе «Методы и приемы исследования ономастического материала» и стоит в одном парадигматическом ряду с понятиями

---

¹ Много лет спустя аналогичное название встречаем в статье болгарской исследовательницы Маряны Парзуловой [Парзулова, 2005], занимающейся историей болгар в Бессарабии и анализирующей с исторической и лингвистической позиций именной список болгар, награжденных за разные заслуги. Исследовательница подчеркивает особую значимость антропонимического текста для изучения контактов языков и культур [Парзулова, 2005, с. 134].

космонимический текст, *зоонимический текст* и др., которые представляют собой «среду обитания» соответствующих типов онимов и из которых эти онимы извлекаются. Антропонимический текст в данной коллективной монографии получает дефиницию не по содержанию понятия (интенционалу), а по объему (экстенционалу): «К антропонимическим текстам относятся поминальные, вкладные, записные кабальные книги, описи владений земли или имуществом, крестные календари, адресные книги, записи загсов, телефонные справочники, списки вновь присвоенных гражданам данной страны фамилий, диалектные записи имен и прозвищ данной территории, списки избирателей, депутатов, награжденных» [ТМОИ, 1986, с. 200]. Понятно, что данный ряд является открытым. Таким образом, мы можем заключить, что *антропонимический текст* при своем появлении (а также и впоследствии) понимался как гомогенный тип текста, содержащий преимущественно или исключительно антропонимы, и не получил семиотического толкования, как его «собрат» *топонимический текст*. По-видимому, в этом отразилась различная природа антропонимов и топонимов как знаков («пространственная» онтология у топонима и «точечная» у антропонима). Если возникала необходимость подчеркнуть, что некоторая совокупность антропонимов рассматривается не как список, а системно, то использовалось понятие *антропонимического пространства* (ср. *антропонимическое пространство города, села; романа, поэмы, загадок* и пр.).

Для прагматической характеристики антропонимических текстов важно дальнейшее разделение их по сферам функционирования: бытовые и документальные vs литературные [Подольская, 1988, с. 34]; Л.М. Щетинин называл эти группы «естественные» (документальные) и «искусственные» (литературные) антропонимические тексты [Щетинин, 1986, с. 159–160]. Прагматический потенциал документальных текстов можно охарактеризовать как ***информативно-аддитивный***: коммуникативный интерес отправителя текста состоял в передаче ономастической информации, адекватное восприятие / понимание которой обеспечивалось наличием квалификатора-заголовка. Потенциальная открытость списка и заданность статуса онимов выбранным заголовком (названием, преамбулой, рубрикаторм) оставляла право – как для адресанта, так и в каких-то случаях и для адресата – на добавление / причисление к полученному ряду единиц аналогичного статуса. Такой

прагматический потенциал характерен и для современных документальных антропонимических текстов, ср. приводимые С.Н. Смольниковым примеры: *Мужские имена; Фамилии, образованные от прозвищ; Потомки Пушкина; Актеры Театра на Таганке; Участники войны в Афганистане (1979–1989)* и т.п. [Смольников, 2014, с. 122–123]. Далее, и документальные, и литературные тексты по признаку лексического состава делились Л.М. Щетининым на (собственно) антропонимические, включающие только антропонимы, и «квазиантропонимические», включающие не только антропонимы, но антропонимы в качестве *conditio sine qua non*. «Квазиантропонимическими» могли быть тексты как документальной (метрические записи, купчие крепости), так и литературной сфер функционирования (например, списки действующих лиц в драматических произведениях). В дальнейшем типология антропонимических текстов была расширена С.Н. Смольниковым, который внес существенное дополнение в виде параметра «референциальный статус»: различались тексты, содержащие воплощенные имена (т.е. называющие конкретных лиц) и имена невоплощенные («просто антропонимы», потенциальные, невоплощенные, развоплощенные) [Смольников, 2014, с. 121–123]. Напомним, что в основе лежит дихотомия, предложенная А. Гардинером, согласно которой существуют воплощенные и невоплощенные имена (*embodied vs disembodied names*). Воплощенные имена – это имена, прикрепленные к определенным конкретным объектам (*Уильям Шекспир*), а невоплощенные – это те же самые имена вне связи с конкретным денотатом (*Уильям* – как английское имя вообще) [Gardiner, 1954, p. 73–74].

Таким образом, типологию антропонимических текстов можно считать в целом построенной. Детального описания, однако, не обнаруживается. Возможно, исчерпало себя время лингвистики текста в ее «жанровом» исполнении – и прошел интерес. Возможно, однако, что конечный интерес состоял именно в наброске главных параметров типологизации, поскольку перечисление всех типов даже с применением формализованных параметров вряд ли реалистично и лингвистически перспективно. Перспективным, на наш взгляд, является разбор случаев концентрации антропонимов в одном фрагменте текста. Для этого нами предлагается термин **антропонимический микротекст** [Васильева, 2017], поэтику которого мы рассмотрим ниже. Из-за ограниченности текстового

пространства речь будет идти уже не о списках (каталогах) имен, а об их *перечислении*.

Как известно, перечисление (лат. *enumeratio*) в риторике является фигурой или риторическим приемом, в котором могут участвовать разные части речи [Lausberg, 1990, S. 97–99], в том числе и собственные существительные. *Enumeratio* как «координирующее перечисление» во всех своих вариантах направлено, согласно риторическим правилам, на эмоциональное воздействие на публику. Фасцинирующее действие этой фигуры, если ее формируют собственные имена, особенно велико. Так, В.М. Калинин, рассматривая пушкинские эпиграммы, построенные на *enumeratio*, говорит о «неизъяснимой наглядности» перечня имен как фигуры речи» [Калинкин, 2009, с. 70]. Обратимся к поэтическим текстам, содержащим цепочки имен собственных (ИС). Логично предположить, что эффект воздействия на адресата будет, прежде всего, связан с референциальным статусом ИС, т.е. с соотношением имен и их референтов / денотатов. И здесь особенно важна упомянутая выше дихотомия воплощенности / невоплощенности имени. Это предположение подтверждается: перечисление воплощенных и невоплощенных имен действительно имеет различный стилистический эффект. Обратимся к воплощенным ИС.

*На азбуке Морзе своих зубов
Я к Вам зываю, профессор Попов,
И к Вам, господин Маркони <...>
Прощай, Эдисон, повредивший ночь.
Прощай, Фарадей, Архимед и проч.*

(Иосиф Бродский «Письмо в бутылке», 1964¹)

Перечисленные имена известных ученых образуют единую группу с тематикой «радио», «электричество»; последнее имя – Архимед – выводит эту группу на другой уровень обобщения – ученый как символ. Таким образом, воплощенные имена служат *сущению семантического пространства текста*, они способны экономным образом привносить в текст нужные автору смыслы, предоставляя адресату «достраивать» образ в зависимости от своих знаний.

---

¹ Бродский И. Письмо в бутылке (1964). – Режим доступа: <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=7505> (Дата обращения: 30.01.2018.)

Еще одну стилистическую возможность предоставляет перечисление воплощенных имен, и связана она с реализацией в художественном тексте одной из важных нарративных функций ИС, а именно *функции создания и поддержания иллюзии повествования* [Lamping, 1983, S. 29–39; Васильева, 2009, с. 135–137]. Существуют различные текстовые способы, направленные на то, чтобы читатель поверил в реальность мира текста, в частности в реальность персонажей. Так, в романе Марселя Пруста есть вымышленный персонаж – актриса Берма (Berma). Имя этого персонажа вводится в текст при помощи фигуры перечисления в одном ряду с настоящими актрисами: «Je classais par ordre de talent les plus illustres: Sarah Bernhardt, la Berma, Bartet, Madeleine Brohan, Jeanne Samary, mais toutes m'intéressaient» [Proust, 1976, с. 158] («Имена наиболее знаменитых артистов шли у меня в списке по степени их одаренности: Сара Бернар, Берма, Барте, Мадлена Броан, Жанна Самари, но интересовали меня все» [Пруст, 2010, с. 120]). На этом коротком пространстве текста повествователь с помощью фигуры перечисления смешивает мир реальности и мир текста и заставляет читателя поверить, что Берма – такая же актриса, как всем известная Сара Бернар (в оригинале статус известности Берма подчеркивается употреблением определенного артикля).

Детальный анализ состава и порядка следования воплощенных имен в фигуре перечисления позволяет выявить одну из творческих доминант поэта. Так, К.С. Федотовой удалось обнаружить, что в поэтических текстах Николая Гумилева внутри перечня «поэтонимы организованы определенным образом и, как правило, главным (ключевым) в ряду имен является последний поэтоним» [Федотова, 2017].

Невоплощенные имена, несущие в себе потенциальную референциальность, связаны в сознании носителя языка с определенными признаками (пол, этнос, время), т.е. представляют собой особые *ономастические импликатуры*, см. [Васильева, 2015]. Поэтому, например, название спектакля московской Школы драматического искусства «Катя, Соня, Поля, Галя, Вера, Оля, Таня...» (режиссер Дмитрий Крымов) вполне определенно настраивает зрителя на то, что действующими лицами будет много молодых девушек (на это указывает краткая форма имен) и, скорее всего, речь пойдет о любви (действительно, это спектакль по мотивам буниных «Темных аллея»). Известная в свое время песенка

«Женюсь, женюсь» (слова Б. Окуджавы, музыка И. Шварца), исполняемая Андреем Мироновым, содержит перечень имен неких подружек, которым собирающийся жениться герой говорит до свидания (но не прощается):

*Иветта, Лизетта, Мюзетта,
Жанетта, Жоржетта,
Колетта, Полетта, Кларетта,
Флоретта, Мариетта...*

(Булат Окуджава «Женюсь, женюсь», 1976¹)

Воплощенными эти имена могут быть только для героя, от имени которого исполняется песня. Для слушателя же эти имена являются невоплощенными. Однако сама форма имен, настойчивость единого – легкомысленного – форманта (*-етта*), асиндетон, не предполагающий конца списка, – все это настраивает слушателя на определенную ситуацию.

Именам собственным может быть присущ еще один референциальный статус – автонимность, когда референция производится не к экстралингвистическому объекту, а к самому языковому выражению, ср. *Москва состоит из шести букв. Федор – греческое имя*. Перечисление имен в статусе автонимности предоставляет также интересные возможности для поэтической рефлексии, ср.:

*Светофор. Это странное имя.
Светофор. Святослав. Светозар*

(Белла Ахмадулина «Светофоры», 1959²)

Остановимся далее на особом типе антропонимического микротекста, обозначаемом заимствованным из английского языка термином *неймдроппинг*. Необходимость в особом термине возникла из специфики данного типа перечисления имен, которую лучше всего показать наглядно. Поэтому приведем пример Александра Жолковского из изобретенного им жанра малых текстовых форм – из одной из «виньеток», так и озаглавленной «Name dropping»: «Как-то потребовалось объяснить смысл этого отсутст-

---

¹ Окуджава Б. Женюсь, женюсь (1976). – Режим доступа: <http://libverse.ru/okudzhava/zheniys-zheniys.html> (Дата обращения: 27.01.2018.)

² Ахмадулина Б. Светофоры (1959). – Режим доступа: <https://librolife.ru/g3166194> (Дата обращения: 28.01.2018.)

вующего в русском языке оборота. В качестве хрестоматийного примера я привел стилистику недавно (в 1995 г.) опубликованной книги мемуаров. Собеседник попросил меня быть конкретнее. Тогда я вспомнил фразу из этой книги, являющую поистине квинтэссенцию щеголяния короткостью с великими: «Когда ехали по шоссе хоронить Ахматову, Бродский показал мне место, где погребен Зощенко». Текст чеканный, незабываемый. Тут ни убавить, ни прибавить, все места заняты кем надо» [Жолковский, 2003, с. 467–468].

Таким образом, в значении этого выражения заключается, во-первых, указание на некоторое дискурсивное поведение, интенция которого не является тайной; во-вторых, присутствует отрицательная оценка этого поведения. В настоящее время можно уже, по-видимому, говорить о терминологизации выражения *name-dropping*, которое вышло за пределы английского языка и вошло в другие языки как заимствование (ср. нем. *das Namedropping*, фр. *le name dropping*, рус. *неймдроппинг*). В качестве краткой общегуманитарной дефиниции неймдроппинга нами была предложена следующая [Васильева, 2014, с. 229–230]: *Неймдроппинг* – тип дискурсивного поведения, когда говорящий, желая подчеркнуть свою принадлежность к определенным (как правило, престижным) социальным кругам (референтным группам), походя (т.е. как бы случайно, мимоходом) упоминает значимые для этих групп имена и названия.

Имена собственные, таким образом, выступают в роли «пропуска» говорящего в желанный круг, а при нахождении говорящего уже внутри этого круга – в роли «охранной грамоты». В повседневном дискурсе неймдроппинг выполняет следующие функции.

1. Самопрезентация в виде похвалы с целью повышения собственного статуса в глазах собеседника.

2. Функция речевого маркера корпоративности: неймдроппинг может использоваться для идентификации людей внутри некоторой социальной (микро) группы. Произнося в незнакомой компании определенные имена людей и названия вещей, говорящий старается обозначить свой круг и выявить среди присутствующих «своих».

3. Расширение личной сферы говорящего. Понятие личной сферы говорящего, идущее от Э. Бенвениста и развитое Ю.Д. Апресяном, имеет большое значение для ономастики. Одним из способов расширения личной сферы является называние кличками

политиков, спортсменов и других известных людей, что происходит, естественно, заглазно. Мы использовали для обозначения этого явления выражение «ономастическая контрабанда»: это как бы нелегальное «протаскивание» неофициального чужого имени в свою личную сферу [Васильева, 2009, с. 176–177].

В академическом (научном) дискурсе тоже существует «свой» неймдроппинг, который выполняет следующие функции.

1. Особый способ аргументации – так называемая псевдоверификация: называется известная фамилия, вместо того чтобы привести аргумент или доказательство.

2. Как и в повседневном дискурсе, одной из функций неймдроппинга в академической среде является конструирование собственного образа, ведущее к выигрышной самоидентификации («Я и Гумбольдт»). Сюда же примыкает сложившийся в некоторых кругах узус упоминания некоторого списка имен как этикетки данной группы (корпоративный неймдроппинг).

3. Экономия усилий. Сюда можно отнести распространившийся в последнее время в академической среде способ перечисления фамилий вместо аналитического обзора теорий (например, в автореферате). Более подробно о функциях неймдроппинга см. [Васильева, 2014].

В художественном дискурсе неймдроппинг внеположен оценке. Термин *неймдроппинг* применительно к поэтике – заслуга датского слависта Йона Кюста, описавшего с его помощью мир собственных имен Иосифа Бродского [Кюст, 2004]. Благодаря этому исследователю, опубликовавшему свой труд по-русски, неймдроппинг вошел в русский язык как термин поэтики (правда, у Й. Кюста еще в латинице) и тем самым отряхнул с себя негативные коннотации, которые он нес как общеповеденческий термин.

В поэтике Иосифа Бродского, согласно Й. Кюсту, неймдроппинг предстает как способ создания особого, вневременного поэтического пространства. С одной стороны, употребление мифологизированного (в других терминах – прецедентного) имени позволяет говорящему представить сюжет, связанный с этим именем, например, *Ариадна*, *Тезей*, *Одиссей*. С другой стороны, неймдроппинг позволяет показать собственную идентичность, т.е. создать образ говорящего, отразить собственное языковое сознание. В настоящее время, когда литература о прецедентных именах в России стала почти необозримой, взгляд Й. Кюста на то же са-

мое, но с другой стороны представляется интересным. В самом деле, когда исследуется набор прецедентных имен какого-либо текста / автора, то внимание обращается на то, какие (микро) нарративы (прецедентные тексты) оказываются сжатыми до имени, т.е. акцент делается *на содержании текстов*. Взгляд же на значимые имена как на неймдроппинг, т.е. взгляд Й. Кюста, позволяет сосредоточиться *на самом говорящем* – на характеристике голоса говорящего, на его идентичности, которую он формирует благодаря существованию таких отсылок, как ИС. Называя культурно значимое имя, мы указываем, во-первых, на наше знание его культурной значимости, во-вторых, на принадлежность к определенной референтной группе, для которой это знание важно. Таким образом, упоминание Бродским культурно значимых имен можно расценивать как речевое поведение, обозначающее принадлежность поэта к определенной социальной группе, а именно: к советской интеллигенции послесталинской эпохи [Кюст, 2004, с. 230–231].

Подведем некоторые итоги. Антропонимический текст (различные списки имен), утвердившийся как термин в 80-х годах XX в., представлял в то время интерес больше как источник ономастического материала, чем как тип текста, выделяемого и характеризующего на основе очень сильно редуцированных параметров текстуальности. Прагматическую функцию данного типа текста мы сейчас можем определить как информативно-аддитивную. В макротипологии текстов в качестве ближайшего гиперонима к антропонимическому тексту можно назвать *каталог* в широком понимании, «список» как психологический феномен, ср. «В каталоге, т.е. списочно, перечислительно предмет в идеале должен выступать прежде всего как предмет» [Харченко, 2016, с. 136]. Интерес с позиций лингвистики текста и ономастической стилистики представляет *антропонимический микротекст*, или фрагмент текста, содержащий риторический прием перечисления (*enumeratio*). «Квантитатив перечисления» [Харченко, 2016], т.е. объем перечисленного может быть различным, однако присутствующая при перечислении *каталогизация* как ментальная операция всегда выполняет свою главную функцию – «держат в узде хаос», по образному выражению, приписываемому Умберто Эко.

Особым видом перечисления является *неймдроппинг*. С самого начала имея значение, выходящее за пределы буквального значения компонентов, это слово стало характеристикой дискур-

сивного поведения, которое изучается в том числе нелингвистическими дисциплинами (психология личности, концепция личности в социологии). С лингвистической точки зрения неймдроппинг может рассматриваться как один из дискурсивных приемов, формирующих позицию говорящего и неположительную оценку этой позиции адресатом. Перенос термина *неймдроппинг* на мир художественного текста устранил из содержания этого понятия какую-либо оценку. Неймдроппинг в этом случае может стать инструментом анализа поэтики произведения с акцентом на *образ автора* как носителя определенной культурной доминанты. Формируя микро- и макрономастическое пространство текста, этот прием смыкается с понятиями интертекстуальности и прецедентности. Таким образом, феномен перечисления, рассмотренный в этой статье в одной из своих ипостасей, обнаруживает самую тесную связь с культурой и памятью, «а ведь память для своего горения и света требует пищи, требует своих закровов, запасов, насыщенности, тем более, если за списками чего бы то ни было стоит явная заинтересованность нашей психики и нашей души» [Харченко, 2016, с. 143].

Список литературы

- Березович Е.Л.* Топонимическое пространство как текст // Ежегодник Научно-исследовательского института русской культуры – 1994. – Екатеринбург: УрГУ, 1995. – С. 86–95.
- Васильева Н.* Перечисление имен как дискурсивный прием // Onomastikas pētījumi: Onomastic Investigations. Vallijas Dambes 100. dzimšanas dienai veltītās konferences materiāli: Proceedings of the International Scientific Conference to commemorate the 100 th anniversary of Vallija Dambe. – Rīga: LU Latviešu valodas institūts, 2014. – С. 228–240.
- Васильева Н.В.* Антропонимический текст: Типы и интерпретации // Друга међународна научна конференција «Ново и традиционално у транслатологији и настави руског језика као страног». 16–19 марта 2017 г.: Материјали конференције, одржане на Паневропском универзитету Апеирон (Бања Лука, Република Српска: електронско издање). – Бања Лука: Издање Паневропског универзитета, 2017. – С. 294–302.
- Васильева Н.В.* Ономастические импликатуры в интракультурной и межкультурной коммуникации // Сусрети народа и култура: Међународни тематски зборник: People and Cultures in Contact. Thematic Collection of Papers of International

- Significance. – Косовска Митровица: Филозофски факултет Универзитета у Приштини, 2015. – С. 351–360.
- Васильева Н.В.* Собственное имя в мире текста. – М.: Либроком, 2009. – 224 с.
- Жолковский А.* Эросипед и другие виньетки. – М.: Водолей Publishers, 2003. – 624 с.
- Калинкин В.М.* Семантика имен и поэтика их перечислений // Логос ономастики [Λογος ονομαστικῆ]. – Донецк: Донецк. нац. мед. ун-т им. М. Горького, 2009. – № 1 (3). – С. 70–83.
- Кюст Й.* Name-dropping: Об одном поэтико-риторическом приеме в творчестве Иосифа Бродского: (На материале «Школьной антологии») // Новое литературное обозрение. – М.: Редакция журнала «Новое литературное обозрение», 2004. – № 67. – С. 224–232.
- Парзулова М.* Антропонімний текст як джерело мовної та історичної інформації // Проблеми слов'язнавства. – Львов: Львовск. нац. ун-т им. И. Франка, 2005. – Вип. 55. – С. 134–142.
- Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
- Пруст М.* По направлению к Свану. Под сенью девушек в цвету / Пер. с фр. Н. Любимова. – М.: Эксмо, 2010. – 303 с.
- Смольников С.Н.* Антропонимический текст как единица филологической интерпретации // Текст как единица филологической интерпретации / Отв. ред. А.А. Курулёнок. – Новосибирск: Немо Пресс, 2014. – С. 120–124.
- ТМОИ = Теория и методика ономастических исследований / Отв. ред. А.П. Непокучный. – М.: Наука, 1986. – 256 с.
- Федотова К.С.* Поэтика перечислений имен в произведениях Николая Гумилева // *Litera*. – М.: НБ-Медиа, 2017. – № 2. – С. 149–159.
- Харченко В.К.* Перечни, списки, каталоги в художественном тексте // Теория языка и межкультурная коммуникация. – Курск: Курский гос. ун-т, 2016. – № 3 (22). – С. 136–143.
- Щетинин Л.М.* Антропонимический текст как источник исторической информации // Перспективы развития славянской ономастики. – М.: Наука, 1980. – С. 163–168.
- Щетинин Л.М.* Субъективный фактор в образовании антропонимических текстов // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – М.: Наука, 1986. – Т. 45, № 1. – С. 159–165.
- Gardiner A.* The theory of proper names: A controversial essay. – London: Oxford univ. press, 1954. – 84 p.
- Lamping D.* Der Name in der Erzählung. Zur Poetik des Personennamens. – Bonn: Bouvier, 1983. – 135 S.
- Lausberg H.* Elemente der literarischen Rhetorik. – 10. Aufl. – Ismaning: Hueber, 1990. – 169 S.
- Proust M.* À la recherche du temps perdu: Du côté de chez Swann. – М.: Прогресс, 1976. – 438 с.

References

- Berezovich, E.L.: Toponimicheskoe prostranstvo kak tekst. In: *Ezhegodnik Nauchno-issledovatel'skogo instituta russkoi kul'tury*. UrGU, Ekaterinburg, pp. 86–95 (1995).
- Vasil'eva, N.: Perechislenie imen kak diskursivnyi priem. In: *Onomastikas pētījumi [Onomastic Investigations. Vallijas Dambes 100. dzimšanas dienai veltītās konferences materiāli]*. Proceedings of the International Scientific Conference to commemorate the 100 th anniversary of Vallija Dambe. LU Latviešu valodas institūts, Rīga, pp. 228–240 (2014).
- Vasil'eva, N.V.: Antroponimicheskii tekst: tipy i interpretatsii. In: *Druga meĵunarodna nauchna konferentsija «Novo i traditsionalno u translatologiji i nastavi ruskog jezika kao stranog»*. 16–19 marta 2017 g. Materijali konferentsije, odrzhane na Panevropskom univerzitetu Apeiron (Вања Лука, Republika Srpska: elektronsko izdaње). Izdaње Panevropskog universiteta, Вања Лука, pp. 294–302 (2017).
- Vasil'eva, N.V.: Onomasticheskie implikatury v intrakul'turnoi i mezhkul'turnoi komunikatsii. In: [Susreti naroda i kultura. Meĵunarodni tematski zbornik] *People and Cultures in Contact. Thematic Collection of Papers of International Significance*. Filozofski fakultet Univerziteta u Prishtini, Kosovska Mitrovitsa, pp. 351–360 (2015).
- Vasil'eva, N.V.: *Sobstvennoe imya v mire teksta*. Librokom, Moscow (2009).
- Zholkovskii, A.: *Erosiped i drugie vin'etki*. Vodolei Publishers, Moscow (2003).
- Kalinkin, V.M.: Semantika imen i poetika ikh perechislenii. *Λογος όνομαστικη*. Vol. 1 (3), 70–83 (2009).
- Kyust, I.: Name-dropping: Ob odnom poetiko-ritoricheskom prieme v tvorchestve Iosifa Brodskogo (Na materiale «Shkol'noi antologii»). *New Literary Observer*. Vol. 67, 224–232 (2004).
- Parzulova, M.: Antroponimnii tekst yak dzherelo movnoĭ ta istorichnoĭ informatsii. *Problemi slov'yanoznavstva*. Vol. 55, 134–142 (2005).
- Podol'skaya, N.V.: *Slovar' russkoi onomasticheskoi terminologii*. Nauka, Moscow (1988).
- Prust, M.: *Po napravleniyu k Svanu; Pod sen'yu devushek v tsvetu*. Eksmo, Moscow (2010).
- Smol'nikov, S.N.: Antroponimicheskii tekst kak edinitsa filologicheskoi interpretatsii. In: *Tekst kak edinitsa filologicheskoi interpretatsii*. Kurulenok, A.A. (ed). Nemo Press, Novosibirsk, pp. 120–124 (2014).
- TMOI = Teoriya i metodika onomasticheskikh issledovaniĭ. Nepokupnyi, A.P. (ed). Nauka, Moscow (1986).
- Fedotova, K.S.: Poetika perechislenii imen v proizvedeniyakh Nikolaya Gumileva *Litera*. Vol. 2, 149–159 (2017).
- Kharchenko, V.K.: Perechni, spiski, katalogi v khudozhestvennom tekste. *Theory of Language and Intercultural Communication*. Vol. 3 (22), 136–143 (2016).
- Shchetinin, L.M.: Antroponimicheskii tekst kak istochnik istoricheskoi informatsii. In: *Perspektivy razvitiya slavyanskoi onomastiki*. Nauka, Moscow, pp. 163–168 (1980).
- Shchetinin, L.M.: Sub"ektivnyi faktor v obrazovanii antroponimicheskikh tekstov. *Izvestiya AN SSSR. Literature and Language Series*. Vol. 45. Issue 1, 159–165 (1986).

- Gardiner, A.: The theory of proper names: A controversial essay. Oxford Univ. Press, London (1954).
- Lamping, D.: Der Name in der Erzählung. Zur Poetik des Personennamens. Bouvier, Bonn (1983).
- Lausberg, H.: Elemente der literarischen Rhetorik. Hueber, Ismaning (1990).
- Proust, M.: À la recherche du temps perdu: Du côté de chez Swann. Progress, Moscow (1976).